

**Ответ Толстого и Достоевского на «восточный вопрос»,
1875–1877. Образы себя и других**

Когда в январе 1876 г. Ф. М. Достоевский начал публиковать «Дневник писателя», он намеревался записывать в нем свою оценку значимых текущих событий. Он хотел каждый месяц сообщать как частное лицо, о том, что видел, слышал, о чем читал. Предполагалось, что двенадцать выпусков «Дневника» составят единое целое — книгу, «написанную одним пером», где будет рассказываться в первую очередь о реально случившемся. Достоевский хотел вести дневник в самом буквальном смысле этого слова, поэтому он не стал включать в него литературную критику. Однако очень скоро он понял, что ставить перед собой какие-либо искусственные ограничения и скрывать от читателя, возможно, самые сильные свои впечатления лишь потому, что они были связаны с русской литературой, неверно. Публикация «Анны Карениной» стала как раз тем событием, не отметить которое Достоевский не мог. Новый роман Толстого был чем-то большим, нежели просто литературным произведением¹.

Достоевский признавал совершенство «Анны Карениной» как произведения искусства. Однако роман приобрел дополнительную значимость, поскольку публикация его последних глав совпала с началом русско-турецкой войны в апреле 1877 г. В сознании Достоевского оба эти впечатления — от романа и от начавшейся войны — оказались связаны воедино, их сочетание поразило самого писателя. Он подчеркивал, что автор «Анны Карениной» обладает огромным талантом, замечательным умом, что его чрезвычайно ценит и уважает интеллигенция. Взгляды Льва Толстого на современное состояние России, на «восточный вопрос» представляли большой интерес для всех соотечественников².

Позиции Достоевского и Толстого в «восточном вопросе» и в отношении русско-турецкой войны 1877 г. заслуживают особого внимания. Толстовское понимание «восточного вопроса» следовало, в целом,

---

¹ *Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1983. Т. 25. С. 195.*

² Там же. С. 193.

в русле политики «сосредоточения» (*recueillement*), проводимой российским правительством. Все внимание Александра II было приковано к давно назревшим реформам внутри страны. Во внешней политике официальные круги пытались сохранить мир и путем переговоров добиться приемлемого разрешения кризиса на Балканах. Однако взгляды Толстого, совпадавшие с правительственным подходом и отразившиеся в последней главе «Анны Карениной», подверглись критике со стороны многих известных писателей и даже вызвали небольшой скандал в литературных кругах.

Достоевский также был не согласен с позицией Толстого. Он выступал в поддержку энергичного вмешательства России в защиту угнетенных балканских народов, страдавших под гнетом турок. Более того, Достоевский прославлял русский народ за то, что «восточный вопрос» был воспринят в России не иначе как дело освобождения православных южных славян.

Однако точка зрения Достоевского круто поменялась, когда на свет появилась восьмая часть романа Толстого. Достоевский отмечал, что заключительная часть «Анны Карениной» была опубликована не в «Русском вестнике», где печатались все предыдущие выпуски этого произведения. Последняя глава вышла отдельным изданием, и Достоевский купил эту брошюру. Последняя глава вовсе не показалась ему «невинною» — напротив, он даже назвал ее «несчастной»³. При всем своем отвращении к критике современной литературы он решил все же написать об этой главе в следующем выпуске «Дневника».

Непримиримые позиции Толстого разделяли с Достоевским многие его современники. Как отмечал Достоевский, редакция «Русского вестника» отказалась публиковать последнюю часть «Анны Карениной». В литературных кругах знали, что это произошло, поскольку восьмая часть романа не совпадала с политикой журнала и убеждениями редакторов. Особенно остро разногласия проявились во взглядах Толстого на «восточный вопрос» и русско-турецкую войну 1877 г.

В 1875–1876 гг. неослабевающий турецкий гнет на Балканах вызвал восстания в Герцеговине, Боснии и Болгарии. Тяжелая судьба южнославянских земель, оккупированных Турцией, стала известна всей Европе. В Париже был создан Международный комитет помощи, который возглавил Митрополит Сербский Михайло Йованович. Его вице-президентом стал хорватский епископ Йосип Штросмайер. Ко-

---

³ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. С. 175, 202.

митет был призван помогать беженцам из этих областей. Поддержку его деятельности оказывали многие филантропические организации, в том числе и Славянское благотворительное общество, в рядах которого трудились русский публицист Иван Сергеевич Аксаков и графиня Антонина Дмитриевна Блудова⁴.

Достоевский обвинял Толстого в близорукости, в неспособности взглянуть на события в перспективе: Толстой видел лишь то, что находилось у него прямо перед глазами, не мог постигнуть того, что не попадало в поле его зрения.

Действительно, Толстой, когда писал «Анну Каренину», поддерживал официальную правительственную политику «сосредоточения» (*recueillement*). Он хорошо понимал потребность в тех глубоких преобразованиях, которые были проведены в 1860-е гг. Александр II сосредоточил свое внимание на внутренней политике, на реформах у себя в стране, стараясь избегать военного вмешательства на Балканах.

Однако деятельность славянских благотворительных комитетов, реакция на балканский кризис русской интеллигенции и широких слоев населения по всей России привели к пересмотру официальной позиции. Видные общественные деятели, такие как И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, Г. И. Успенский, В. И. Немирович-Данченко, часто выступали в поддержку южных славян.

Петр Ильич Чайковский тоже был сторонником славянского единства, и его известное сочинение, «Славянский марш», часто исполнялось во время праздничных торжеств. В нем Чайковский использовал сербские народные мелодии, а также российский гимн, метафорически подчеркивая тем самым культурные связи этих двух славянских народов. Хотя Александр II стремился сохранить мир и соблюдать Союз трех императоров России, Австрии и Германии, он не мог бесконечно закрывать глаза на то, что в России и за рубежом очень многие люди горячо поддерживали южных славян.

В Англии один из самых влиятельных политиков, выдающийся британский государственный деятель лорд Уильям Юарт Гладстон был на стороне южных славян. Его известные речи в английском парламенте возбудили романтическое воодушевление общественности и искреннее желание помочь. Более того, английское духовенство,

---

⁴ Югословени и Русия: Документи из архива М. Ф. Раевского 40–80 годы XIX века. Белград, 1989. С. 150.

во главе с архиепископом Кентерберийским и каноником собора св. Павла Генри Парри Лиддоном, с церковной кафедры провозгласило о своей поддержке южных славян — своих братьев во Христе⁵.

Среди тех, кто выразил свою обеспокоенность судьбой балканских народов, был и поэт Оскар Уайльд, написавший в мае 1877 г. следующее письмо Гладстону:

«Ваш благородный и беспристрастный протест против избиения христиан в Болгарии, изложенный как в устной, так и в письменной форме, нашел такой отклик в моем сердце, что я решился послать Вам сонет, написанный мною по этому случаю...»⁶.

Уайльд был не единственным поэтом, выразившим свое негодование. В марте 1877 г. Альфред Теннисон написал знаменитый «Черногорский сонет» с целью обратить внимание общественности на борьбу югославянских народов за свое освобождение. Связи, существовавшие между Теннисоном и Гладстоном, лишь способствовали нарастанию его обеспокоенности судьбой далекой Черногории. В сонете отразилось характерное для Теннисона понимание последствий исторического противостояния турок и черногорцев.

Теннисон получил почетное звание придворного поэта, «поэта-лауреата». Его поэтическое красноречие воплотилось в целом ряде поэм, посвященных современным политическим событиям. «Черногорский сонет» был опубликован в мае 1877 г. в альманахе «Деятнадцатый век». Сам Теннисон считал этот сонет одним из лучших своих произведений, отдавая ему предпочтение перед другими поэмами. В том же самом выпуске альманаха Гладстон напечатал, в качестве комментария к сонету Теннисона, собственный обширный исторический трактат о Черногории⁷.

Все эти выступления в поддержку южных славян оказали значительное воздействие на политические решения, принятые просвещенным российским монархом. Александр II и его министр иностранных дел А. М. Горчаков пытались избежать во внешней политике прямого вмешательства России в события на Балканах, которое могло бы иметь опасные последствия. Кроме того, Александр II стремился сохранить Союз трех императоров России, Австрии и Германии, заключенный

---

⁵ *Shanon R. T. Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876. Connecticut; Archon, 1975. P. 187.*

⁶ *Ibit. P. 187.*

⁷ *The Nineteenth Century. Vol. I. No. III. May 1877. P. 359, 360–379.*

в 1872 г. Таким образом, с осени 1876 г. до весны 1877 г. предпринимались неоднократные попытки добиться заключения Османской империей мирных договоров с Сербией и Черногорией и проведения реформ в Герцеговине, Боснии и Болгарии⁸.

Хотя эти переговоры не увенчались успехом, в России по-прежнему не могли прийти к единому мнению по вопросу о войне. Александр II признавал, что вступление в войну в этот момент не соответствовало национальным интересам и привело бы к финансовому краху. Тем не менее, решение объявить войну Турции казалось неминуемым. В ходе обсуждения вопроса со своими министрами царь чувствовал, что «бывают такие моменты, когда человек должен забыть обо всем, кроме защиты своей чести». Итак, 24 апреля 1877 г., когда война с Турцией была объявлена, Александр II издал манифест:

«Наши верные и возлюбленные подданные знают, какой живой интерес мы всегда проявляли к судьбам угнетенных христианских народов в Турции. Наше желание улучшить и обеспечить их положение разделяется всем русским народом, который показал себя сегодня готовым к новым жертвам во имя облегчения положения христиан на Балканском полуострове... Два года мы непрестанно пытались заставить Османскую Порту провести такие реформы, которые защитили бы православных христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Осуществление этих реформ вытекало, как прямая обязанность, из предыдущих обязательств, торжественно взятых на себя Портой перед лицом всей Европы. Наши усилия, хотя и поддержанные соединенными дипломатическими представителями других правительств, не достигли желаемой цели»⁹.

Вслед за объявлением войны Достоевский описывает в своем «Дневнике» за апрель 1877 г. реакцию людей на улицах Петербурга, которую он наблюдал. Не только в столице, но и по всей России каждый человек чувствовал, что произошло что-то важное, что близится к концу развязка драмы, уходящей корнями в прошлое. Люди поспешили в церкви, чтобы вознести молитву:

«Когда читали царский манифест, народ крестился, и все *поздравляли* друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слы-

---

⁸ *Barbara Jelavich*. *Russia's Balkan Entanglements 1806–1891*. Cambridge, 1991. P. 155, 171.

⁹ *Edward Hertslet*. *Map of Europe by Treaty, IV*. London, 1875–1891. P. 2298–2299. Цит. по: *Jelavich B*. *Russia's Balkan Entanglements 1806–1891*. P. 172.

шали, и все это даже здесь, в Петербурге. И опять начались те же дела, те же факты, как и в прошлом году: крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: „Да что жертвы, что подводы, мы все пойдем воевать!“»¹⁰.

Это было инстинктивным предчувствием начала чего-то нового. И все же Достоевский отмечает, что «премудрые» люди не теряли скептицизма. Эти «мудрецы» из числа интеллигенции сомневались в моральной и физической готовности России сделать решающий шаг. Они полагали, что России следует стремиться сохранить мир, чтобы преодолеть неурядицы у себя дома, и лишь после этого помогать восставшим южным славянам. Достоевский считал, что подобная узость духовных горизонтов порождала общественный упадок и изоляцию. Он сомневался в том, что подобная ограниченность может помочь русскому народу «из зверей и тупиц могли обратиться в людей»¹¹.

Достоевский подчеркивал, что русская интеллигенция не должна оставаться оторванной от своего народа. Он верил в то, что все в конце концов отвернется от этих скептиков и поверят в царя и русский народ. По всей России люди из самых разных слоев общества предлагали щедрую, бескорыстную помощь. Достоевский верил, что русский народ осознает свою политическую, общественную, нравственную миссию, несмотря на столетия крепостного права и все пренебрежение к себе со стороны тех же «мудрых людей», той же интеллигенции¹².

Достоевский приходил к выводу, что русско-турецкая война не только облегчит участь «наших братьев-славян», страдавших под турецким гнетом. Война распахнет новые горизонты, поможет преодолеть неустройство и застой во внутренней жизни страны, а самое главное — будет способствовать преодолению отчужденности русской интеллигенции от своего народа. Достоевский надеялся, что решение «восточного вопроса» исцелит многие болезни самой России и принесет ей спасение¹³.

Решение русского царя высоко оценил в Англии лорд Гладстон. Крупный политический деятель, он признавал, что объявление Рос-

---

¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1984. Т. 25. С. 94.

¹¹ Там же. С. 95.

¹² Там же. С. 65–74.

¹³ Там же. С. 94–95.

сией войны было благородным шагом и говорило о широте политического кругозора и смелости духа. Он выражал откровенное восхищение тем, что Россия вмешалась в события на Балканах, приняв участие в деле освобождения южных славян. Высказывания Гладстона немедленно опубликовал в своем «Дневнике» за июль–август 1877 г. Достоевский:

«Что бы ни говорили о некоторых других главах русской истории, освобождением многих миллионов поработанных народов от жестокого и унижительного ига Россия окажет человечеству одну из самых блестящих услуг, какие только помнит история, услугу, которая никогда не изгладится из благодарной памяти народов»¹⁴.

Как и предсказывал Достоевский, Толстой впоследствии пересмотрел свои взгляды и стал «говорить все то же, что говорим мы», выступив в поддержку южных славян. По свидетельству жены Толстого Софьи Андреевны, Толстой хотел пойти на войну добровольцем: «Вся Россия — там, и я сам должен идти». Его пришлось долго убеждать, что он принесет существенно большую пользу своими сочинениями, оставшись дома, вместо того чтобы отправиться на далекие Балканы¹⁵.

Следует подчеркнуть, что примерно тридцать лет спустя, в решающий момент, когда Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Толстой снова однозначно встал на сторону Сербии. Он решил публично выступить против окончательного присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии. Приближаясь к концу своего земного пути, он написал одну из последних законченных и опубликованных работ «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Здесь Толстой изложил свои взгляды и еще раз обратился к «восточному вопросу» в исторической перспективе. Книга вышла в свет в Берлине в 1908 г.¹⁶

Достоевский правильно отмечал: хотя Россия стремилась освободить славян от турецкого гнета, одно освобождение не решило бы всех противоречий — это было лишь начало долгого пути. Что еще важнее,

---

¹⁴ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1984. Т. 26. С. 68.

¹⁵ *Писарев А.* Традиции дружбы народов как явление культуры: Освободительная борьба балканских народов против османского ига и российская интеллигенция // Советская культура: 70 лет развития / Под ред. Б. Б. Пиотровского. М., 1987. С. 259.

¹⁶ Книга называлась «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Цит. по: *Анисимов И. И. и др.* Толстой и зарубежный мир. М., 1965. С. 302, 494, 502.

России не следовало использовать события на Балканах для достижения собственных эгоистических или националистических интересов:

«Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю...»¹⁷.

Достоевский понимал, что в этих словах нет ничего нового, однако надеялся на то, что вера в славянский народ не угаснет. Путь к новому мировому порядку уже обозначился: Россия подняла меч на турок, вступила в беспрецедентную войну на стороне слабых и угнетенных, желая дать им свободу, а не отобрать ее. В объявлении войны писатель видел подтверждение правоты славянофилов: Россия действительно способна решить «восточный вопрос».

«Опять-таки скажут: для чего это все, наконец, и зачем брать России на себя такую заботу? Для чего: для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сил до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим „интересам“, то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому) лишь воссоединению в великое целое»¹⁸.

Итак, мы должны признать: Александр II также избрал высокий путь — защитить честь России и не предать южных славян. Диплома-

---

¹⁷ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Т. 25. С. 100.

¹⁸ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Т. 26. С. 81–82.

тические переговоры с Турцией не достигли желаемых результатов, поскольку Порта отказалась облегчить положение христианского населения Балкан. Александр II пытался избежать вооруженного столкновения: он знал, что ему придется вести войну в одиночку, несмотря на то, что проекты преобразований разрабатывались совместно с европейскими державами. Он предвидел большие человеческие и экономические потери, которые повлечет за собой война. И все же он знал, что должен соблюсти давние обязательства, взятые на себя Россией по отношению к южным славянам, и защитить их права. Его обеспокоенность судьбой балканских народов разделялась русским народом, проявившим готовность пойти на новые жертвы. Александр II стремился сохранить и упрочить достоинство России, утвердить ее нравственную, политическую и военную мощь.

Описание текущих политических событий Достоевского дополняет роман Толстого. Оба русских писателя проявили замечательное понимание всей сложности политических реалий на Балканах и в России. Достоевский неоднократно повторял: только бескорыстная помощь России, демонстрирующей полное отсутствие личной выгоды, может привести к действительному разрешению давних конфликтов.

Итак, анализ «восточного вопроса», предложенный двумя великими писателями, сохраняет свою ценность для всех, кто хочет чему-то научиться. Достоевский называл Толстого выдающимся учителем всех русских людей, ведь великие писатели и должны быть учителями своего народа. Сам Достоевский был таким Учителем: он понимал общность духовных стремлений человечества — качество, которым он восхищался у Пушкина, и которое он считал истинно русской чертой. Его собственная оценка всей сложности исторических, общественных и политических реалий Балкан и России не утратила своего значения даже на заре нового века.

Перевод с английского М.В. Лоскутовой